

ТАНЯ ТРОТТЕР

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

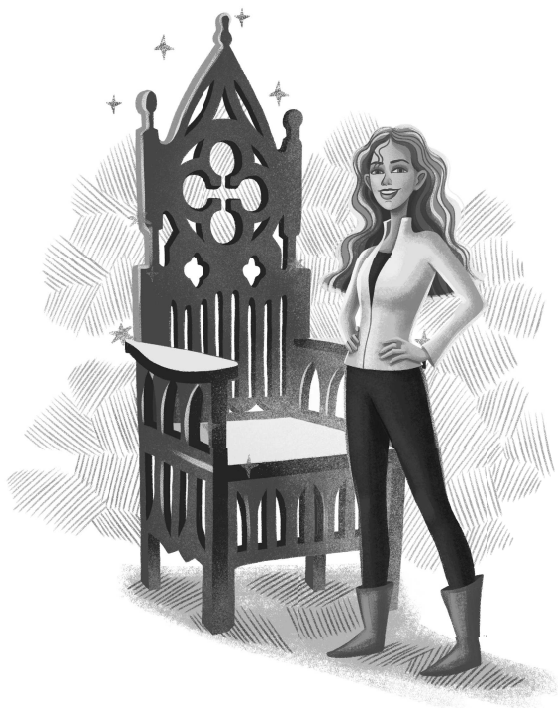
Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ
ТАНЯ ГРОТТЕР
И ТРОН ДРЕВНИРА

Москва
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Художник и дизайнер *Инна Гюнтер*

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Тая Гроттер и трон Древнира / Дмитрий Емец. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-167758-9

Ну и ну! Никогда в Тибидохсе ещё не было таких неприятностей! Похищены основные источники магии: предметы, принадлежавшие когда-то Древниру. Правда, существует ещё трон древнего мага, энергии которого хватит на тысячелетия. Но беда в том, что никто не знает, где он. День ото дня запасы магии в Тибидохсе иссякают, и всех учеников отправляют в мир лопухоидов... Но ничего в магическом мире не может быть важнее драконбола. Все с нетерпением ждут матча команды невидимок со сборной Тибидохса. Интригу накаляет то, что легендарный Гурий Пуппер наконец влюблён. Сотнями летят купидончики с цветами и письмами! Интересно, кому Пуппер их посылает? Похоже, здесь не обошлось без охмуряющей магии...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-167758-9 © Емец Д., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

НОВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ В.А.М.П.И.Р.

В пасмурный майский вечерок, когда с одной стороны в стекло барабанили дождевые капли, а с другой — недавно проснувшиеся мухи, славное семейство Дурневых сидело в гостиной.

Герман Никитич держал на коленях ноутбук и, скривив от усердия рот, шлифовал приветственную речь к VII Всероссийской конференции пенсионеров-огородников.

— Ты не представляешь, Нинель, как это ответственно! В нашей стране голосуют только пенсионеры и огородники! Если они меня поддержат, я воплощу свою давнюю мечту и смогу баллотироваться в президенты! Важно только, чтобы выборы проходили зимой,

иначе эти ненавистники колорадских жуков смоются на свои огороды! — уже в третий раз объяснял он своей супруге.

Мадам Дурнева согласно мычала. Она могла только мычать, потому что пожирала копчёную индейку с ломтиками ананаса. Кто-то сказал ей, что если есть индейку вместе с ананасом, можно сбросить вес. Нинель подошла к делу ответственно. Она заготовила полную морозильную камеру индеек и забила холодильник ананасами. Правда, пока она продолжала толстеть, но утешала себя мыслью, что любое натуральное лекарство действует не сразу.

Пипа тоже не бездельничала. Поджав под себя ноги, она сидела на диване и глубокомысленно созерцала в лупу тройку в дневнике, прикидывая, как ловчее исправить её на пятёрку. Тройка была очень перспективная — с маленьким верхним крючком. Пипа уже было покусилась на тройку лезвием, когда рядом вдруг возник её папочка, утомившийся задурять мозги пенсионерам-огородникам.

— А ну дай сюда! — решительно потребовал самый добрый депутат.

Пипа тревожно покосилась на папочку и собрала глазки в кучку, готовясь при необходимости заголозить. Но у самого доброго депутата были иные планы. Он конфисковал у дочки лезвие, умело подобрал подходящую по оттенку ручку, и спустя минуту в дневнике засияла исключительно правдоподобная пятёрка.

— Вот так, доч! Учись, пока я жив! — назидательно сказал он, целуя Пипу в макушку.

Проявив дозированную нежность, Дурнев повернулся и вновь поплёлся к своим огородникам.

— Стой! Руки вверх! — приказала Пипа, целясь папочке в спину указательным пальцем.

Самый добрый депутат остановился и послушно задрал к потолку свои морковного цвета ладони.

— Мы договаривались: за каждую пятёрку я получаю полтинник! И нечего сачковать! — потребовала Пипа.

Умилённый отец полез в карман и, вытащив бумажник, принялся в нём рыться. Не дождавшись, пока он отыщет полтинник, Пипа выдернула у папули из пальцев бумажник и нагло завладела сразу несколькими сотенными купюрами.

— Зачем так много? — удивился самый добрый депутат.

— Как зачем? А кассету купить? Недавно вышел новый фильм о Гэ Пэ! Он в нём такая симпатяшка! Глаза добрые-добрые, и ни одного прыщика!..

Герман Никитич зевнул. Слушать про Гэ Пэ ему было неинтересно, тем более что за последние два года дочь уже прожужжала ему этим Гэ Пэ все уши. Коридор был обклеен плакатами с Гэ Пэ, на блюдцах в кухне тоже был Гэ Пэ. Более того, его умное тонконосое лицо в круглых очках смотрело даже с полотенца в ванной, которым Пипа вытирала руки.

— Умница, доча! Никогда не упускай своей выгоды! Но хватит про Гэ Пэ, а то я взвою!

Забрав порядком облегчённый бумажник, самый добрый депутат привлёк к себе Пипу и прицелился для нового поцелуя в макушку любимого чада, но в этот момент звонок в коридоре пробудился ото сна и произвёл нечто среднее между похоронным маршем и «Танцем маленьких лебедей».

От неожиданности Герман Никитич промахнулся и больно стукнулся о Пипину голову носом.

— Нинеличка, солнце моё, не посмотришь, какой болван звонит нам в дверь? Что за мода припираться без приглашения? — поморщился он.

— Сейчас, кисик! Твоя рыбка только скушает махонький кусочек ананасика! А то индюшачьей грудке так одиноко у неё в желудочке! — отозвалась супруга.

— Не верь ей, пап! Она съела днём десять йогуртов и рыбное филе! Да ещё моя коробка с шоколадными конфетами куда-то пропала... — наябедничала на любимую мамочку Пипа. Она всегда была больше папиной дочкой.

Дурнева щёлкнула пультом телевизора. На его двадцатый канал выводилось изображение с недавно установленной на площадке камеры. В настоящий момент камера послушно снимала крупную серую плитку и железную дверь генерала Котлеткина.

— Я никого не вижу! Никого нет, Герман! — удивлённо сказала супруга.

— Как никого? А кто тогда звонил? — нахмурился самый добрый депутат.

Он метнулся к телефону и набрал номер консьержки. Консьержка заверила его, что к ним никто не поднимался.

Дурневы переглянулись. Оба одновременно подумали об одном и том же. Или, точнее, об одной и той же. Семейная идиллия была нарушена.

— Неужели снова Гроттерша?! Я только начала приходить в себя! Ведь прошло всего два года, как она в последний раз у нас была! — простонала мадам Дурнева.

— Ха! Танька — ещё полбеды! Главное, чтобы нам не подкинули новую сиротку! Мам, посмотри, там нет какого-нибудь футляра или хотя бы помойного ведра? — фыркнула Пипа.

— Оставайтесь здесь! Я сам! — решительно приказал Герман Никитич.

Он на цыпочках прокрался к двери и, не доверяя видеокамере, выглянул в глазок. Затем Дурнев осторожно

повернул замок, снял цепочку и резко рванул дверь на себя. Он смутно надеялся застичь кого-то врасплох, но застигать было некого. Площадка была действительно пуста.

Пожав плечами, Дурнев уже хотел закрыть дверь, как вдруг заметил на коврике длинный конверт. В правом верхнем углу конверта был аккуратно выведен их московский адрес. Марка отсутствовала. Это означало, что конверт никак не мог быть доставлен обычным способом через почту.

— Германчик, что там такое? — испуганно крикнула супруга, подбегая к мужу.

— Да вот, — ответил самый добрый депутат.

— Какой странный конверт! Не из Америки? Надеюсь, там внутри не сибирская язва? — забеспокоилась Дурнева.

— Ерунда! Я уже болел в детстве сибирской язвой. Кажется, вскоре после свинки. Или после менингита? Ну, не важно. В любом случае это было до того, как меня укусила бешеная собака, — отмахнулся дядя Герман и отважно вскрыл конверт.

Внутри оказался плотный лист бумаги. По центру крупными золотистыми буквами было выведено:

Господин Герман Дурнев!

С удовлетворением сообщаем Вам об окончании тяжбы, длившейся с 1632 года. Причиной прекращения тяжбы послужила окончательная физическая и астральная смерть второго претендента на наследство — имп. Лигулы К. А.

Согласно решению Верховной коллегии Трансильвании, Вы признаётесь единственным наследником Вашего пращура. Кроме того, в соответствии с пунктом 13.13/666 нашего Кодекса Вы автоматически

назначаетесь пожизненным почётным председателем В.А.М.П.И.Р.

Приняв во внимание все факты, главная совещательная коллегия В.А.М.П.И.Р. единодушно посчитала, что высокое родство и природные свойства характера компенсируют отсутствие у Вас магических способностей.

В случае Вашего согласия унаследованные Вами регалии будут присланы Вам на дом в ближайшее время.

Преданный Вам
Малюта Скуратофф,
Верховный судья,
Трансильвания, Долина Малокровия,
12 мая 20... года.

Герман Никитич прочитал письмо трижды. Даже — по привычке видеть во всём двойное дно — посмотрел его на свет. Однако это ничего не выявило. Разве только то, что бумага была гербовой. В качестве же гербового элемента был использован мрачный за́мок на скале.

Дурнев пожал плечами:

— Ничего не понимаю. Верховная коллегия! — сказал он.

— Постой, Германчик! Не отказывайся! Вдруг нам ещё одну мигалку дадут? А то что за дела: езжу в супермаркет без мигалки! Мне уже стыдно показываться на глаза Айседоре Котлеткиной! У этой лимитчицы, вообрази, кроме мигалки, настоящая БМП в качестве машины сопровождения! — рассердилась супруга.

Депутат с беспокойством покосился на дверь соседа и нырнул в свою квартиру.

— Тш-ш! Ты что, спятила?! Сколько раз тебе говорить, чтоб ты с Айседоркой не ругалась! Котлеткину

не сегодня завтра ещё звезду дадут! Ты соображаешь, кем он тогда будет! И потом, он мне полезен! Он вчера обещал купить у меня двести вагонов старых женских чулок! — зашипел он на жену.

— Чулки в армию? Зачем? — удивилась она.

Дядя Герман таинственно поднёс палец к губам:

— Тш-ш! Государственная тайна. Я даже и не вникаю. Может, на ракеты натягивать будут для конспирации. А может, маскировочные сетки сплетут. Тут и переделывать ничего не надо: чулки-то всё равно дырявые.

Мадам выдернула письмо из пальцев мужа, внимательно изучила его и сказала:

— Германчик, мы же с тобой не знаем, что такое «В.А.М.П.И.Р.». Вдруг это что-то хорошее? Ну, например... э-э... Всемирная ассоциация медовых пряников и рогаликов.

— Чушь! Не хочу руководить пряниками! — с презрением воскликнул он.

Его супруга вновь скользнула взглядом по строчкам и страдальчески наморщила лоб в мыслительном усилии.

— Германчик, зайныка, послушай!.. — начала она.

Её супруг сперва пожелтел, а затем побагровел.

— ЧТО ТЫ СКАЗАЛА?! — прохрипел он.

Спохватившись, Дурнева зажала себе рот рукой. На все названия зверьков с длинными задними лапами у них в семье было наложено табу. Всякий раз, собираясь включать телевизор, супруга внимательно изучала программу, чтобы быть абсолютно уверенной, что там не окажется ничего ушастого.

— Ой, Германчик, прости! Не знаю, что на меня нашло! — пискнула она. — Я хотела сказать, вдруг В.А.М.П.И.Р. — это Всемирная ассоциация международной прессы и радиовещания?

Герман Никитич перестал менять цвета. Вместо этого он приятно порозовел и слегка подпрыгнул от возбуждения.

— Точно! Ты права, золотце! Как я сам не догадался! В.А.М.П.И.Р. — Всемирная ассоциация международной прессы и радиовещания! — воодушевился он. На глаза у самого доброго депутата навернулись слёзы. — Я знал! Я предчувствовал, я надеялся! Моя общественная деятельность и незапятнанная репутация известны всем! Свободная демократическая пресса выбрала меня своим главой!.. Согласись, Нинеличка, это исключительно мудрый и дальновидный выбор! — умилённо всхлипнул он, обрушиваясь на диван.

— Да, дорогой! — кивнула она.

Такса Полтора Километра вылезла из-под дивана и залаяла, со старческой злобой плюя дяде Герману на тапки. Она терпеть не могла, когда над ней сотрясают крышу. Разошедшийся депутат прицельным пинком зафутболил таксу обратно.

— А ну цыц, ты, пиарщица беспринципная! Знай своё место!.. Да я за свободу слова кого угодно заткну! Пусть эти ослы в Думе ещё раз попробуют отключить мой микрофон! Я их... Я им... Короче, я пока не знаю, что я сделаю, но они пожалеют! — бушевал Дурнев.

Он вскочил, выпрямился во весь свой немалый рост и воскликнул:

— Эй, вы там, я согласен быть почётным председателем В.А.М.П.И.Р. и получить все регалии! Нинель, посмотри, есть ли на конверте адрес или телефон? Я им отвечу!

— Германчик, я не знаю, где конверт! Он только что был здесь, а как только ты крикнул, что согласен, он куда-то улетел! — испуганно сообщила ему супруга.

Директор фирмы «Носки секонд-хенд» оцепенел:

— КАК УЛЕТЕЛ?! Враньё! Его небось утащила эта мерзкая собака! Эй ты, вылезай! Нинель, дай швабру!

Внезапно письмо из Долины Малоокровия сорвалось с дивана и, трепеща краями, попыталось улепетнуть в форточку вслед за конвертом.

— Не-е-е-ет! А ну остановись! Лови его, Пипа!

Издав нечеловеческий вопль одураченного карьериста, самый добрый депутат бросился вдогонку. Пытаясь схватить письмо, он размахивал руками, как в засекреченной шаолиньской школе ветряных мельниц. В той самой школе, куда дядя Герман на заре своего предпринимательства удачно продал семьдесят уценённых пепельниц «Мечта пожарного» под видом курительниц фимиама из царской коллекции бронзы. Дурневу почти удалось схватить письмо, но лист вспыхнул у него в руках. Коричневая огненная точка, возникшая сначала в центре, мгновение спустя превратилась в синеватое пламя, охватившее всё письмо.

Дурнев замер посреди комнаты, с позеленевшим лицом разглядывая крупные хлопья пепла на ковре.

— Всё пропало! Мы не запомнили адреса! — убито сказал он.

Тётя Нинель с ужасом уставилась на мужа. На её верхней губе выступили крупные капли пота.

— Котик, только ты, пожалуйста, не пугайся... — сказала она.

— Что ещё такое?

— Твои зу... зубы...

Дурнев уже и сам ощутил, что с его зубами что-то не в порядке. Зажав рот ладонью, он метнулся к зеркалу. Здесь он нерешительно убрал руку. Четыре тонких острых клыка — два сверху и два снизу — сходились почти впритык.

— Нинель! Кажется, я теперь знаю, что такое В.А.М.П.И.Р.! — хрипло проговорил дядя Герман.

Глава 2

СПЯЩИЙ КРАСАВЕЦ

Ванька Валялкин уцепился за зубец и, свесившись вниз, потянул к себе незакреплённый конец полотна. На полотне вспыхнули алые буквы:

ТИБИДОХС ПРИВЕТСТВУЕТ УЧАСТНИКОВ ПЕРВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ГОНОК НА ИЗБУШКАХ!

Озорной порыв ветра рванул перетяжку, и Ванька, не успевший её закрепить, едва не слетел со стены. Таня и Баб-Ягун чудом успели поймать его дрыгающие ноги.

— Уф! Что за свинство использовать третьекурсников — почти уже четверокурсников — для всякой ерунды! Перетяжки могли повесить и дрессированные гарпии! — заворчал Ванька.

— Угу, могли! Только изодрали бы их когтями. А как бы от них потом воняло! Не продохнёшь! — заявил Ягун.

— Враки! Не воняло бы! Среди гарпий попадаются вполне приличные. Спроси у Тарараха! — заспорил Валялкин.

— Не придирайся, маечник! Подумаешь, всего девятно перетяжек. Зато за это мы сможем сесть в первом ряду. Даже ближе чем преподаватели. Я договорился! — успокоил его Баб-Ягун.

— В прошлый раз на великаньих бегах ты тоже договаривался! В результате нас засунули в самый неудобный сектор, да ещё рядом с Поклёпом! — напомнил Ванька.

— Мамочка моя бабуся! Да откуда же я знал, что Поклёп туда сядет? Не мог же я ему запретить расположиться прямо у нас перед носом, да ещё болтать всё время со своей русалкой! На этот раз всё будет иначе! — заверил Ягун.

Таня с сомнением покосилась на него.

— Ладно, чего спорить, — сказала она примирительно. — Четыре перетяжки мы уже повесили. Одну упустили. Осталось всего-то восемьдесят пять!

* * *

С того памятного дня, когда был матч с невидимками, прошло уже больше полутора лет. И эти полтора года никак нельзя было назвать бесцветными или мало-содержательными.

В жизни — будь то жизнь лопухоида или мага — редко что происходит постепенно. Гораздо чаще судьба, подкравшись, ударяет нас по затылку хлопнушкой внезапности. То ты скромный служащий, уныло коротающий день на офисном стульчике перед надоевшим до чёртиков монитором, то вдруг такая закрутит тебя круговерть, что и директор банка будет долго трясти твою руку, не замечая пролившегося ему на колени кофе.

Или иначе: семьдесят лет крепится лопухоид, бегаёт по утрам, полощет горло содой, чтобы однажды проснуться седым, со стреляющими коленками, отвисшей челюстью и, посмотрев в зеркало, печально сказать:

— Доброе утро! Эй, родственники, дайте мне, что ли, пистолет и полстакана зелёнки!